

Госпожа Председатель,
Дамы и господа,

Прежде всего я хотел бы выразить свою самую горячую благодарность властям Республики Сербия за теплый и достойный прием, соответствующий их давно сложившейся репутации гостеприимных хозяев.

Я особенно счастлив сегодня оказаться в Белграде, так как после окончания университета я отправился в длительное путешествие по вашей стране. Как вы догадываетесь, это было довольно давно!

Я счастлив, что я приехал в Сербию во время ее четырехмесячного председательства в Комитете министров Совета Европы. Эта региональная конференция, посвященная роли верховных судов в применении Европейской конвенции о защите прав человека, — значимое событие, которым отмечено председательство Сербии.

Кроме того, 2 июля этого года мне выпала честь принимать в Европейском Суде по правам человека Президента Республики Сербии, г-на Бориса Тадича, который своим посещением продемонстрировал приверженность системе защиты прав человека, учрежденной в Страсбурге.

Я счастлив, что в составе возглавляемой мною делегации, в которую кроме меня входят г-н Драголюб Попович — судья, избранный от Сербии, и г-жа Салли Долле — Секретарь Секции Европейского Суда, я могу, в некотором смысле, нанести ему ответный визит.

Приоритеты, определенные с самого начала председательства Сербии в Комитете министров Совета Европы, свидетельствуют, что она хотела уделить главное внимание защите прав человека. Как Председатель Европейского Суда — краеугольного камня европейской системы защиты прав человека, я выражаю свое удовлетворение этим.

Конференция, на которую мы собрались сегодня, показывает, что Сербия считает улучшение и усиление национальных механизмов применения Европейской конвенции о защите прав человека одним из приоритетных направлений. Эта конференция имеет своей целью продемонстрировать взаимодействие Страсбургского Суда и верховных судов в сфере применения Конвенции.

Как реализуется авторитет Европейского Суда по правам человека? Вот вопрос, на который я попробую сегодня ответить. При этом я попытаюсь обозначить

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОЛЬ ВЕРХОВНЫХ СУДОВ В ПРИМЕНЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ»

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЖАН-ПОЛЯ

КОСТА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

г. Белград, 20 сентября
2007 г.

различие между авторитетом постановлений Суда, обеспечиваемым посредством целого ряда механизмов, и авторитетом прецедентной практики Суда, который, на мой взгляд, надо понимать в несколько более широком смысле. По ходу дела я отмечаю, что слово «авторитет» (на латинском языке — *auctoritas*) не должно вводить в заблуждение. Авторитет не означает авторитаризма и тем более произвола. Авторитет неразрывно связан со здравым смыслом, с надежностью и, в конечном счете, с убедительностью, а не с правом навязывать что-либо.

Мне не надо напоминать вам, что Европейская конвенция о защите прав человека — многостороннее межгосударственное соглашение — является составной частью международного права. Приоритет международного права по отношению к праву национальному был провозглашен в XIX веке и с тех пор неоднократно находил свое подтверждение. Так, Международный Суд ООН использовал этот принцип в своем важном заключении 1988 года¹.

Прецедентная практика нашего Суда в этом отношении ясна. Из нее следует, что «Конвенция должна по мере возможности толковаться так, чтобы она не противоречила другим нормам международного права, составной частью которого она является».

В то же время Европейский Суд неоднократно подчеркивал «особый характер договора коллективного обеспечения прав человека, который представляет собой Конвенция», ее статус «инструмента поддержания европейского публичного порядка для защиты людей», который влечет за собой обязанность Суда при толковании Конвенции заботиться об обеспечении ее эффективности.

Конвенция — договор, являющийся обязательным для 47 государств, которые его ратифицировали, — содержит в себе множество положений, усиливающих ее влияние и авторитет нашего Суда.

Прежде всего, статья 1 Конвенции устанавливает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции». Это важнейшее положение наделяет каждого человека правом ссылаться на Конвенцию в национальных судах. Таким образом, оно одинаково важно как для Европейского Суда, так и для судебных органов государств — членов Совета Европы.

¹ Имеется в виду консультативное заключение Международного суда ООН от 26 апреля 1988 г. по делу о применимости обязательства передать спор на рассмотрение третейского суда, предусмотренного статьей 21 Соглашения между ООН и правительством США относительно месторасположения центральных учреждений ООН от 26 июня 1947 г. (примечание редакции).

Данное положение дополняется статьей 19 Конвенции, учреждающей Европейский Суд «в целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции и Протоколам к ней». Следовательно, Страсбургский Суд играет уникальную роль и пользуется исключительным авторитетом.

Наконец, статья 46 Конвенции напоминает, что Высокие Договаривающиеся Стороны «обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами». Именно это принято называть авторитетом постановлений, который реализуется, согласно второму абзацу этой же статьи, под надзором Комитета министров Совета Европы.

Этот авторитет постановлений Европейского Суда, как я уже говорил, не совпадает с авторитетом прецедентной практики Суда, и чуть позже я последовательно остановлюсь на этих двух аспектах. Однако сначала я хочу выдвинуть три тезиса:

Во-первых, прецедентная практика Европейского Суда не однородна. Она состоит не только из постановлений, констатирующих наличие или отсутствие нарушения Конвенции, но и из решений о неприемлемости жалоб для дальнейшего рассмотрения по существу, которые могут быть не менее важными, чем постановления. В своем выступлении я сошлюсь на решение Большой Палаты Европейского Суда о неприемлемости жалобы по делу «Фон Мальцзан и другие заявители против Германии» [*Von Maltzan et autres c. Allemagne*]. Несмотря на то, что это не постановление, его важность неоспорима.

Второе предварительное замечание: прецедентная практика Европейского Суда не стоит на месте. Во многих сферах она эволюционировала и постоянно развивается (я мог бы привести в качестве примера британские дела, касающиеся транссексуалов). Другими словами, признавая силу прецедентов, наш Суд применяет принцип *stare decisis*¹ достаточно гибко; к тому же он уже в самых первых своих постановлениях указал, что Конвенция — это живой организм, и ее необходимо толковать с учетом реалий сегодняшнего дня.

Наконец, Европейский Суд, разумеется, не застрахован от ошибок. Некоторые его постановления и решения принимаются не единогласно; интерес представляют особые мнения оставшихся в меньшинстве судей, предусмотренные статьей 45 Конвенции, которые указывают на множество возможных подходов и имеют неоспоримую доктринальную важность, хотя, конечно же, силой *res judicata*² обладают лишь те выводы, к которым пришло большинство судей.

Это подводит меня к вопросу об авторитете постановлений Европейского Суда. Следствием этого авторитета является то, что государство, которое Суд признал нарушившим Конвенцию, должно исполнить решение Суда. В случае необходимости оно должно, если Суд констатирует факт нарушения Конвенции и примет соответствующее решение, выплатить заявителю определенную сумму денег. В Конвенции это называется справедливой компенсацией.

В некоторых случаях исполнение постановления подразумевает *restitutio in integrum*³, если таковое возможно, а иногда оно может повлечь за собой изменение законодательства или судебной практики на национальном уровне. На самом деле не так уж и редко случается, что государства должны видоизменить свой внутренний порядок для того, чтобы привести его в соответствие с тем или иным постановлением Европейского Суда и избежать рецидивов нарушения прав человека, которое он обнаружил.

Однако в этом отношении авторитет постановлений Европейского Суда ограничен. Постановления Суда имеют лишь относительную силу *res judicata*, а не *erga omnes*⁴, поэтому вынесенное Судом постановление становится обязательным, по крайней мере, с юридической точки зрения, лишь для тех государств, которые были признаны нарушившими Конвенцию.

Бывает, что законодательство некоторых стран аналогично законодательству, в связи с которым другое государство было признано нарушившим Конвенцию. Из-за того, что постановления Европейского Суда не имеют силы *erga omnes*, государства, которых не затрагивает напрямую то или иное постановление, не обязаны ему соответствовать. Из-за этого, как мы увидим далее, после того как Суд признал государство виновным в нарушении прав человека и оно впоследствии внесло изменения в свое законодательство и правоприменительную практику, в одних государствах — участниках Конвенции законодательство реформировано на основе прецедентной практики Суда, а в других оно по-прежнему остается под властью механизмов, которые Суд признал противоречащими Конвенции.

С вашего разрешения я приведу несколько примеров.

Так, Франция могла бы извлечь некоторые уроки из постановления по делу «Мэлоун против Соединенного Королевства» [*Malone c. le Royaume-Uni*] и принять необходимое законодательство по вопросу о прослушивании телефонных переговоров, которое в то время отсутствовало. Однако же Франция предпочла ждать, пока Европейский Суд не признал ее саму виновной по делам «Круслен против Франции» [*Kruslin c. France*] и «Ювиг против Франции» [*Huvig c. France*] за то, что она приняла закон, регулирующий вопросы прослушивания телефонных переговоров, который не соответствовал Конвенции.

Я приведу еще один пример, касающийся моей страны, которая в прошлом не всегда была лучшей ученицей в этой области. Речь идет о законодательстве, продолжавшем дискриминировать незаконно рожденных детей по сравнению с внебрачными детьми в вопросах наследования имущества. Франция могла бы понять, что она подвергается опасности быть признанной виновной в нарушении Конвенции, исходя из постановлений, касающихся других государств, а именно постановлений по делам «Марк против Бельгии» [*Marckx c. Belgique*] и «Инзе против Австрии» [*Inze c. Autriche*]. Разумеется, Франция могла бы заранее принять меры, как это сделали Нидерланды, в которых в этой области действовало аналогичное законодательство, заимство-

¹ Stare decisis (лат.) — буквально: «стоять на решенном»; принцип, согласно которому не допускается отход от ранее установленных прецедентов (примечание редакции).

² Res judicata (лат.) — окончательно разрешенный вопрос, не подлежащий повторному рассмотрению; судебный прецедент; принцип *res judicata* предполагает — описывая это в упрощенном виде — недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела или дела по тождественному вопросу со вступившим в законную силу решением (примечание редакции).

³ Restitutio in integrum (лат.) — восстановление в первоначальное положение, полная реституция, возвращение к первоначальному состоянию, восстановление той ситуации, в которой находилось лицо до нарушения Конвенции (примечание редакции).

⁴ Erga omnes (лат.) — между всеми; применимость постановления в отношении всего сообщества государств, не ограничивающаяся сторонами по делу (примечание редакции).

ванное из Кодекса Наполеона. И все-таки надо было ждать более двенадцати лет с момента вынесения постановления по делу «Маркс против Бельгии» и дожидаться того, что в своем постановлении по делу «Мазурек против Франции» [*Mazurek c. France*] Европейский Суд признал Францию нарушившей Конвенцию, чтобы этот вопрос был, наконец, урегулирован французским законодателем.

Я должен также добавить, что все больше и больше стран не хотят доводить дело до вероятного признания их виновными в Страсбурге, которое всегда неприятно, и это, по крайней мере, с фактической, а не с юридической точки зрения, распространяет влияние наших постановлений даже на государства, не являющиеся сторонами по делу.

Это влияние, кроме того, усиливается ролью, которую играет Комитет министров Совета Европы в обеспечении их исполнения. До сих пор Конвенция наделяла этой функцией именно Комитет министров, а не сам Европейский Суд, и, несмотря на весьма значительное увеличение количества наших постановлений, Комитет министров хорошо ее выполняет, и необходимо ему воздать за это должное.

Я хотел бы также обратиться к новым указаниям или предписаниям Европейского Суда, усиливающим авторитет его постановлений. Так, в деле «Ассанидзе против Грузии» [*Assanidze c. Géorgie*] Суд, сделав вывод, что заявитель содержался под стражей произвольно в нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции, впервые сам указал в резолютивной части своего постановления, что государство-ответчик обязано незамедлительно обеспечить освобождение заявителя из-под стражи, и государство-ответчик это сделало на другой же день после провозглашения постановления. Это указывает на исключительный авторитет постановлений Суда.

Другой пример: техника пилотных постановлений, использованная, например, в польских делах. На мой взгляд, она также способствует усилению авторитета постановлений Европейского Суда. Когда Суд констатирует факт системного нарушения Конвенции, он может в пилотном постановлении потребовать от государства-ответчика возместить ущерб, причиненный всем потенциальным заявителям, путем принятия мер общего характера, вместо того чтобы выносить отдельные постановления по каждому конкретному делу.

Эта практика пилотных постановлений к тому же приветствуется и поощряется в докладе «Группы мудрецов»¹. Поэтому наш Суд очень хочет ее развивать.

Каков же авторитет прецедентной практики Европейского Суда? Это вторая тема, на которой я хотел бы остановиться. На мой взгляд, этот авторитет выходит за пределы влияния постановлений Суда. Он действительно существует и имеет тенденцию к расширению за рамками конкретного дела.

Я упоминал Нидерланды в связи с внебрачными детьми. Все чаще и чаще встречаются случаи горизонтального применения постановлений Европейского Суда: государства, в отношении которых не было вынесено никаких постановлений, решают соответствовать его прецедентной практике. Ситуация, та-

ким образом, развивается в правильном направлении, и можно действительно говорить об авторитете прецедентной практики Суда.

Во Франции в сфере уважения личной и семейной жизни (статья 8 Конвенции) видно, что суды и органы законодательной власти принимают во внимание прецедентную практику Европейского Суда, касающуюся прав иностранных граждан: Государственный совет Франции² руководствовался прецедентной практикой Суда, защищающей права иностранных граждан в случае их насильственной высылки с территории страны (после того как в 1988 году было вынесено постановление Европейского Суда по делу «Мустахим против Бельгии» [*Moustaquim c. Belgique*]), Государственный совет Франции внес изменения в свою практику по вопросу о высылке иностранных граждан в решениях 1991 года по делу Бельгасема и по делу г-жи Бабас).

Это горизонтальное применение прецедентной практики Европейского Суда, конечно же, обязывает государства очень внимательно следить за его практикой так, чтобы предугадать, как Суд может ее применить в их конкретном случае.

Однако применение прецедентной практики Европейского Суда осуществляется не только в пространстве. Мне кажется не менее важным упомянуть о ее применении во времени.

Судебные органы государств — членов Совета Европы, и в этом отношении я отдаю должное верховным судам, превосходящим развитие прецедентной практики Страсбургского Суда, даже когда Суд еще не объявил о соответствующих изменениях в ней. Национальные судебные органы, действуя по аналогии, используют глобальную прецедентную практику нашего Суда для развития своей собственной практики. В качестве примера можно привести расширительное понимание термина «имущество», охватывающее некоторые права требования и даже правомерное ожидание завладения имуществом, или приоритет принципа свободы выражения своего мнения за исключением случаев, предусмотренных в пункте 2 статьи 8³ Конвенции, или понятия беспристрастности судов и справедливого судебного разбирательства.

Это постепенное проникновение прецедентной практики Европейского Суда в практику национальных судебных органов вполне естественно, так как у национального судьи есть право и обязанность обеспечивать верховенство Конвенции.

В большинстве государств — членов Совета Европы стороны ежедневно ссылаются на Конвенцию при рассмотрении дела в верховных судах (равно как и в обычных судах), и эти суды ее применяют. Добавьте к этому всю уже существующую прецедентную практику нашего Суда.

Так, в Соединенном Королевстве, где Конвенция стала применяться напрямую лишь в 2000 году, после того как был принят Закон «О правах человека» [*Human Rights Act*], решения Палаты лордов по таким вопросам, как, например, борьба с терроризмом, опережают прецедентную практику Европейского Суда.

Я добавлю, что неизбежным следствием такого восприятия прецедентной практики Европейского Суда нацио-

¹ «Группа мудрецов» Совета Европы учреждена в мае 2005 г. на Саммите Совета Европы в г. Варшаве, состоит из 11 членов; задача Группы — разработка предложений о повышении эффективности контрольного механизма Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Европейского Суда по правам человека на долгосрочную перспективу (примечание редакции).

² Во Франции систему органов административной юстиции возглавляет орган, именуемый «Государственный совет», который в судебном порядке рассматривает жалобы на действия и акты органов государственного управления и одновременно выступает консультативным учреждением при правительстве страны (примечание редакции).

³ Так в тексте (примечание редакции).

нальными судами является то, что иногда наш Суд сам руководствуется решениями, принятыми на национальном уровне.

Решение Европейского Суда по делу «Фон Мальтзан и другие заявители против Германии», которое я уже упомянул, имеет отношение к возмещению ущерба, причиненного тем, кто пострадал от экспроприаций, происходивших в 1945—1949 гг. в советской зоне оккупации Германии (с 1949 года — в Германской Демократической Республике (ГДР)) после проведения аграрной реформы. В этом деле Суд ясно и непосредственно опирался на решения Конституционного суда в г. Карлсруэ¹, в которых акцент делался на широких рамках собственного усмотрения органов законодательной власти в вопросах общего регулирования последствий объединения Германии.

В случае необходимости наш Суд без колебаний дословно заимствует ход рассуждений национальных судей, как он это сделал в постановлении по делу «Тиве против Франции» [*Thivet c. France*]. Это дело представляет интерес с юридической и с исторической точек зрения, так как оно имеет отношение к русским займам, выпущенным при царе с 1860 по 1914 год, которые так и не были возвращены после революции 1917 года. Объявляя жалобу неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу, наш Суд воспроизвел решение Конституционного совета Франции, которое узаконило условия возмещения убытков. Кроме того, так же как многочисленные национальные суды опираются на нашу прецедентную практику, так и мы ссылаемся на их решения; таким образом, мы часто говорим на одном языке.

Завершая этот ряд примеров, я обращусь к недавно вынесенному постановлению Европейского Суда по делу «Российская консервативная партия предпринимателей против России» [*Russian Parti conservateur russe des entrepreneurs c. Russie*], которое касается права политической партии быть представленной на выборах. Наш Суд пришел к выводу, что по этому делу было допущено нарушение требований статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции и счел, что лишение партии-заявителя и выдвинутого ей кандидата возможности участвовать в выборах по мотивам, на которые ссылалось государство-ответчик, было несоразмерно преследуемым государством правомным целям. В мотивировочной части своего постановления Европейский Суд четко указал, что Конституционный Суд Российской Федерации разделяет эту позицию.

Авторитет прецедентной практики Европейского Суда является, таким образом, общепризнанным. Как же его усилить?

Несомненно, такое усиление достигается лучшим информированием государств и национальных судебных органов. Большой вклад в это вносит наша информационная система «HUDOC», которая постоянно совершенствуется, а также наша система трансляции судебных заседаний через Интернет, которая начала функционировать в июле этого года. Эта возможность для всех независимо от места нахождения следить за ходом заседаний Европейского Суда, так сказать, в реальном времени, которая позволяет приблизить контрольный механизм Конвенции к потенциальным заявителям.

Влияние прецедентной практики Европейского Суда облегчает диалог судей, который осуществля-

ется, в частности, благодаря многочисленным посещениям Страсбургского Суда судьями всех государств — членом Совета Европы. Мы с большим удовольствием принимаем эти делегации. Они помогают нам проводить заседания, встречаются с судьями и с работниками Секретариата Суда. В 2006 году, например, Суд принял более 90 делегаций судей из всех государств — членом Совета Европы, и мы ожидаем, что их число будет ежегодно увеличиваться на 15 процентов.

Еще одной формой этого диалога являются двусторонние и многосторонние семинары и конференции, такие как эта. Эти встречи чрезвычайно полезны. Совет Европы играет важнейшую роль в организации этих мероприятий, и руководитель Генерального директората прав человека Совета Европы Филипп Буайа знает, что он может рассчитывать на участие Европейского Суда в такого рода форумах.

Каждый день в национальных судебных органах государств — членах Совета Европы Европейскую конвенцию о защите прав человека используют в своих доводах адвокаты, ее цитируют и применяют судьи. В этом я вижу наиболее существенный вклад этих 45 лет нашей судебной практики: право Европейского Суда рассматривается не как нечто чуждое, а уже стало частью менталитета судей, который является неотъемлемым элементом принимаемых ими решений.

Начался подлинный диалог между национальными и европейскими судьями. Этот диалог необходим; судьи международных судов часто в прошлом были судьями судов национальных; кроме того, национальные судебные органы в первую очередь ответственны за толкование и применение Европейской конвенции о защите прав человека: не следует забывать, что Страсбургский Суд берет на себя обязательство по уважению принципа субсидиарности — ключевого элемента системы защиты прав человека.

Однако в его обязанности входит, в конечном счете, осуществление «общеевропейского надзора». Эта роль, прежде всего, необходима применительно к национальным судам. Конечно, мы не выступаем в качестве четвертой инстанции и не пересматриваем тех вопросов, которые уже были разрешены на национальном уровне, но мы должны контролировать соблюдение требований справедливого судебного разбирательства, гарантированного статьей 6 Конвенцией. В связи с этим я не устаю настаивать на необходимости обеспечения независимости и беспристрастности национальных судов. Без независимых судей, без беспристрастных судей невозможно уважение справедливости судебного разбирательства и, в конечном счете, не обеспечивается эффективной защитой прав человека.

Этот надзор наш Суд осуществляет и применительно к национальным органам законодательной власти. Такая роль необходима, если мы хотим поддерживать и развивать Европу прав человека. Государства должны считать Конвенцию и Протоколы к ней в том виде, как они применяются и толкуются Судом, задающими некие минимальные стандарты защиты прав человека. Напоминаю, что согласно статье 53 Конвенции никто, разумеется, не запрещает государствам — членам Совета Европы устанавливать более строгие стандарты в этой области и усиливать защиту конвенционных прав.

¹ Имеется в виду Федеральный конституционный суд Германии, заседающий в г. Карлсруэ (примечание редакции).

Я убежден, что наша встреча в Белграде, благодаря плодотворной дискуссии, которая нам предстоит, пойдет в направлении усиления интенсивности этого диалога су-

дей и, следовательно, повышения авторитета прецедентной практики Европейского Суда.

Спасибо.

Перевод с французского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

www.jbr-pechr.ru